

В.В. Есипов
Вологда

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Часть 2

Разговор редактора журнала о В.Т. Шаламове и вологодских поэтах и писателях (А. Яшине, Н. Рубцове, О. Фокиной, В. Астафьеве, С. Орлове, В. Белове) с В.В. Есиповым, автором многочисленных статей, книг, в том числе «Варлам Шаламов и его современники» (2007), «Шаламов» в серии «Жизнь замечательных людей» (2012, 2019), «О Шаламове и не только: статьи и исследования» (2020), составителем шаламовского двухтомника «Стихотворения и поэмы» (2020).

В. Шаламов, Вологда, А. Яшин, Н. Рубцов, О. Фокина, В. Астафьев, С. Орлов, В. Белов, парадоксы культурно-исторической асинхронности.

Л. Е. Вы дали понять, что эта часть интервью будет достаточно острой. С чем это связано?

В. Е. С неординарностью, непривычностью многих суждений Шаламова о вологодских писателях, его резким расхождением с общепринятыми у нас (местными) оценками и представлениями. Для него не существовало никаких «местных», провинциальных, критериев – он судил о современной литературе по высшим меркам великой русской литературы, а также и мировой. Главным критерием для Шаламова являлась новизна – своеобразие взгляда того или иного писателя на мир, на психологию человека, и в не меньшей степени – художественная новизна, т.е. своеобразие формы. Максималистский и антитрадиционалистский подход.

Шаламов, напомню, – художественное дитя 1920-х годов с их апологией «новых форм» в литературе. С другой стороны, он прошел Колыму, и это заставило его по-иному смотреть на многое, в том числе на задачи искусства. Стоит обратиться к переписке Шаламова с Б. Пастернаком 1953–1956 годов. Это настоящий клад для понимания философии Шаламова – как философии истории, так и философии искусства. Вот его основополагающая мысль (высказанная, между прочим, тогда, когда писатель еще находился на дальнем Севере, в якутском селе Томтор¹): «Мир меняется невероятно медленно и, может быть, в основе своей не меняется вовсе. И если художник в своем творчестве вошел в эту извечность отношений (ведь не платье же Моны Лизы вечно, а ее глаза, лицо) и чувств, он будет волновать всегда людей во все времена и вне их социальных категорий» [6, с. 30].

В его рассказах, посвященных лагерной жизни, очень остро поставлены вечно-бытийные общечеловеческие проблемы, волнующие людей во все времена. Иначе бы Шаламов не переводился на все мировые языки, и его бы давно забыли.

Л. Е. Да, и интересно преобразование мирового вечного в его творчестве. Меня неизменно трогает, как он замечает, скажем:

*Может быть, язык библейский
В совершенстве простоты,
Суете, вполне житейской,
Дал значенье и мечты.*

Это стихотворение – «Фортинбрас» (1954–1955) – хорошо показывает, как от классического Шаламов отправляется в свой полет. Прочитируем начало:

*Не сводя солдатских глаз
С дальних спален Эльсинора,
Где ночует Фортинбрас.*

*Королевские террасы
Темный замысел таят.
Здесь, по мнению Фортинбраса,
В каждой склянке налит яд.*

*Здесь фамильные портреты,
Притушив тяжелей взгляд,
Поздней ночью с датским ветром
Об убийстве говорят.*

*В спальне на ночь стелет шубу
Победитель Фортинбрас
И сует усы и губы
В ледяной прозрачный квас.*

*Он достиг заветной цели,
Все пред ним склонились ниц
И на смертных спят постелях
Восемь действующих лиц.
...*

Шаламову интересно именно продолжение – открытие миру правды человеческой природы, которую познал, прочувствовал и о которой скажет – что скажет, как скажет – только он.

¹ Письмо от 25 мая 1953 года.

Он дерзает работать на уровне Шекспира. Следующий сонет – экспромт: отклик на шутку Ю. Шрейдера весной 1975 года [7, т. 2, с. 541].

155-й сонет Шекспира

*Когда на грани глухоты опасной
Мы тщимся бедной мыслью обуздать
Незавершенность музыки прекрасной
И образ Совершенства ей придать –*

*Так и ваятель, высекая искры,
Стремится в камне душу разбудить,
Так любящий безумствует, неистов
В своем желанье страсть опередить.*

*Так воин рвется смерть принять в сраженьи...
Когда ж нас озарит разгадки свет?
Ведь счастье не в конце, а в продолженьи
Мгновенья... Но кончается сонет.*

*Как отраженьи вечности нетленной
Песнь вырывается у времени из плена.*

Шаламов вбирает всемирное:

Андерсен

*Он обойдет моря и сушу –
Весь мир, что мелок и глубок,
Людскую раненую душу
Положит в сказочный лубок.*

*И чтоб под гипсовой повязкой
Восстановился кровоток,
Он носит радостную сказку,
Подвешенную на платок.*

*Леченье так умно и тонко:
Всего целебней на земле
Рассказ про гадкого утенка
И миф о голом короле.*

1960

Шаламовские «мировые просторы» – еще одна тема для, думаю, отдельного разговора. Вернемся к Пастернаку?

В. Е. Почему я коснулся переписки Шаламова с Пастернаком? Кроме прочего, там, разбирая роман Пастернака «Доктор Живаго», он высказывает и свои мысли по поводу судьбы русской деревни в XX веке – темы, которая была ему в принципе не близка, но стала главной для вологодских писателей. Без этих мыслей трудно понять, например, весьма сдержанное отношение Шаламова к творчеству А. Яшина.

Шаламов пишет: «...Деревня, которая в революции пыталась увидеть возможность самостоятельного решения своей судьбы. Ее усмиренное разочарование. Деревня осталась все той же, лишь по необходимости верящей городу и мечтающей о собственной изыбной судьбе. Новый поход “в народ” имеет целью сблизить, укрепить связи с деревней. На этот раз это не раскулачивание. На этот раз это поход специалистов-техников...» [6, с. 43].

Самое существенное в шаламовской характеристике деревни – то, что она, пережив трагедию «усмирения» (включая насильственную коллективизацию), продолжает «мечтать о собственной изыбной судьбе». По-моему, это очень глубокая мысль, касающаяся не только реалий 1950-х и последующих годов, но и основных идей, развивавшихся в деревенской прозе всего послесталинского периода. Хотели бы мы того или нет, подобная мечтательность или романтизация (то ли дореволюционной сельской жизни – как в «Матренином дворе» А. Солженицына, то ли доколлективизационной – как у многих иных) составляла едва ли не стержень тогдашней литературы. Шаламов очень скептически относился к этой тенденции – как и в целом к «народническим» или «неонародническим» идеям, которыми была во многом проникнута деятельность журнала «Новый мир» во главе с А. Твардовским. У Шаламова был очень трезвый, даже суровый взгляд на русское крестьянство – он ценил его достоинства, но не закрывал глаза и на пороки его психологии, которые наблюдал и в детстве, но по-настоящему увидел в лагере, где обнажаются негативные черты каждого социального слоя. В отношении к крестьянству он во многом близок И. Бунину, его позиции, высказанной в повести «Деревня» и в публицистике. Я специально занимался этой темой и могу отослать к своей старой статье 1997 года.

Л. Е. «Пусть мне “не поют” о народе...» (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) [3]. Спасибо. Углубимся в эту проблему или поясним отношение к Александру Яшину?

В. Е. Сохранились два отзыва Шаламова о Яшине. Они весьма противоречивы. В одном случае, в письме И.П. Сиротинской 12 июля 1968 года (в день смерти Яшина), Шаламов, говоря о своем земляке в целом уважительно, резко критикует литературное качество его прозы и поэзии. В другом, более позднем случае, после выхода альманаха «День поэзии-1968» с посмертной публикацией Яшина, Шаламов делает запись в записной книжке – во многом меняет свою оценку.

Л. Е. Давайте по порядку?

В. Е. Да, начнем с письма. Вот что писал Шаламов Сиротинской:

«...Умер Яшин. Он числился по ведомству генерала Епанчина-Твардовского в министерстве социального призрения, но вошел в историю литературы послесталинского общества – знаменитым рассказом “Рычаги”, опубликованным “Литературной Москвой” – и представлявшем знамя дудинцевской школы. “Рычагов” Яшину никогда черносотенцы не простили, а для самого Яшина этот рассказ послужил рычагом, который сдвинул его в прогрессисты и дал ему возможность дожить, чувствуя себя порядочным человеком, хотя стихов о Сталине Яшиным написано немало. “Рычаги” же – лубок самой чистой пробы, даже более чем лубок. Таланта прозаика у Яшина было немного.

“Вологодские свадьбы”² тоже подверглись погрому по причинам вовсе не литературным. Стихи же яшинские (вроде “Спешите делать добрые дела”) и

² Так в тексте. Очевидно, Шаламов нетвердо запомнил название рассказа Яшина «Вологодская свадьба».

вовсе убоги. Хотя Яшин человек не бездарный. Его выучили, к сожалению, на некрасовской поэтике, и эту-то поэтику он и не умел да, наверное, и не хотел преодолеть.

Зачем я так долго о Яшине? А вот зачем. Человек он был неплохой и притом мой земляк, вологжанин. Правда, он не из города, а из глубинки вологодской. Эта-то глубинка плюс некрасовская поэтика и свела на нет поэтические данные. Я же, если и вологжанин, то в той части, степени и форме, в какой Вологда связана с Западом, с большим миром, со столичной борьбой. Ибо есть Вологда Севера и есть Вологда высококультурной русской интеллигенции, эти культурные слои переплетаются с освободительной борьбой до русской революции очень тесно. Но ни Лопатин, ни Бердяев, ни Ремизов, ни Савинков не являются представителями Вологды иконнопровинциальной, северных косторезов и кружевниц-мастериц. Это – душа Вологды, ее традиции в течение многих столетий... Как ни наивна эта вологодская гордость – исток ее в душе города.

Вот это и есть то самое главное о Вологде, что я так хотел сказать, радуясь, что ты там побывала...» [6, с. 465].

Л. Е. Здесь надо сразу много комментировать, мне представляется, начиная с «генерала Епанчина-Твардовского в министерстве социального призрения».

В. Е. Эта саркастическая характеристика относится не к Твардовскому-поэту, которого Шаламов ставил высоко, а к Твардовскому – редактору «Нового мира». Его Шаламов уничижительно (и безосновательно) сравнивает с генералом Епанчиным из «Идиота» Достоевского – «человеком с большими деньгами и большими связями». Кроме прочего, здесь сказались личная обида на журнал и редактора: он не напечатал не только ни одного рассказа Шаламова, но и ни одного стихотворения. При этом Шаламов, работая в «Новом мире» внутренним рецензентом и будучи вхож в редакцию журнала, ни разу не удостоился личной встречи с Твардовским. Нельзя не отметить, что в отчуждении Шаламова от «Нового мира» сыграл неблагоприятную роль А. Солженицын. Подробнее об этом рассказано в другой моей старой работе «Нелюбовный треугольник: Шаламов – Твардовский – Солженицын» [2].

Л. Е. Спасибо. А почему Шаламов так охарактеризовал «Рычаги»?

В. Е. О Яшине – объясню, почему «Рычаги» – лубок. В сущности, это публицистический очерк, как и «Вологодская свадьба». А «Спешите делать добрые дела» – не поэзия, а чистая дидактика, тем более неприемлемая для Шаламова как культурного человека: он, конечно, знал крылатые слова «Спешите делать добро», которые были выбиты на памятнике московскому тюремному врачу-альтруисту Ф. Гаазу (которого высоко ценил Достоевский – и сам Шаламов). А Яшин, как видно, этого даже не знал – это показывает его уровень культуры, начитанности (хотя Яшин, давно живший в Москве, был весьма начитанным человеком). С точки зрения Шаламова, это выглядело как банальность, тавтология, недаром он написал об «убогости» этого стихотворения.

Л. Е. Мы в школе учили много наизусть (любимые стихи Ольги Фокиной, Николая Рубцова, Сергея Орлова, Александра Яшина), и «Спешите делать добрые дела» – дорогая для меня память.

В. Е. Да, для детства это полезно. Но ведь мы же растем... Напомню, что в «Дне поэзии-68» было напечатано предсмертное письмо А. Яшина «Вместо ответа на анкету о народности поэзии, о национальных и классических традициях ее», которое начиналось словами: «Дорогие друзья! Завтра мне предстоит операция. Насколько я понимаю – трудная...» [8]. Письмо было написано 24 апреля 1968 года, а 12 июля Яшин скончался. Очевидно, переживание драматизма судьбы поэта-земляка сказалось в оценке Шаламова, хотя критика эстетики Яшина осталась:

«Я с громадным уважением отношусь к Яшину и его поэтической работе, общественной деятельности.

Но ведь его [нрзб] письмо (напечатанное в том же «Дне поэзии») это ведь и есть ответ.

Ведь такая программа не то что убила поэзию, почувствовалось, где поэтом совершен [нрзб]. Не талант требуется, только прогрессивные взгляды и нравственное достоинство – и все...» [5, с. 359].

Как заметила И.П. Сиротинская в комментарии к этой записи, Шаламов был неудовлетворен и даже разочарован этим письмом из-за такой фразы Яшина: «...Любой трудолюбивый человек в литературе даже с небольшими сравнительно способностями может достичь очень многого» (Там же, с. 380). В самом деле, мысль очень спорная, сомнительная, поощряющая всевозможную «трудолюбивую» графоманию и подменяющая талант «прогрессивностью» или «гражданственностью». Конечно, Шаламов не мог этого принять, в чем он безусловно прав.

Л. Е. А о некрасовской поэтике? Что Яшина «выучили, к сожалению, на некрасовской поэтике, и эту-то поэтику он и не умел да, наверное, и не хотел преодолеть?»

В. Е. Не надо думать, что Шаламов так уж не любил Некрасова и его традицию в поэзии (перешедшую и в «деревенскую прозу»). Он даже рекомендовал Некрасова, а также А.К. Толстого всем, кто начинает приобщаться к миру поэзии. Это первая ступень ее познания, за которой должны следовать другие ступени. Но Шаламов был против, как он выражался, «генерализации» некрасовской традиции в современной литературе, т.е. против того, чтобы Некрасова ставили «выше Пушкина» (как было прокричано – это шаламовское слово – прогрессивными студентами на похоронах Некрасова в 1877 г.). Шаламов – вслед за Достоевским, «Дневник писателя» которого он хорошо знал, – считал тезис о том, что «Некрасов выше Пушкина» глубокой ошибкой русской интеллигенции. При этом пафос самого Достоевского – о «преклонении перед правдой народной», о «народобогоносце» – был Шаламову глубоко чужд: «Пророчества на этот счет не оправдались, сняты временем двух революций. В наши дни Достоевский не повторил бы фразу о народе-богоносце» (Там же, с. 159).

Как известно, в 1960-е годы многие поэты и писатели-деревенщики снова стали апеллировать к «правде народной» – в известной степени, под влиянием «нового прочтения» Достоевского, начавшего широко

издаваться. Для Шаламова это было, мягко сказать, анахронизмом, заходом на старый (порочный, по его мнению) круг, когда искусство снова превращалось в социально-моралистическую проповедь, следуя некрасовским, а не пушкинским традициям. Свообразным откликом на эти тенденции, отчетливее всего проявившиеся в деревенской прозе, можно считать его слова со ссылкой на К. Гамсуна, прочтенного еще в молодости (за «Соки земли» норвежский писатель в 1920 году был удостоен Нобелевской премии):

«Гамсун в “Соках земли” оставил нам гениальную попытку показать психологию простого крестьянина, живущего далеко от культуры, – его интересы, его поступки и мотивы их. Других подобных книг в мировой литературе я не знаю. Во всем остальном писатели с удручающей настойчивостью начинают своих героев психологией, далекой от действительности, гораздо более усложненной. В человеке гораздо больше животного, чем кажется нам. Он много примитивнее, чем нам кажется. И даже в тех случаях, когда он образован, он использует это оружие для защиты своих примитивных чувств...» [4, с. 441].

Это – еще раз – об ориентации Шаламова на лучшие образцы мировой литературы, вообще – о масштабности мышления, об убежденности в том, что основной предмет литературы – человек.

Л. Е. Да, я понимаю. И – помню Вашу радость, когда Вы обнаружили неизвестное стихотворение Шаламова о Николае Рубцове. В газете «Литературная Россия» (20 сентября 2013) ликование, мне кажется, прорывается:

«Работая недавно в фонде В. Шаламова в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), я – к большой собственной радости и, думаю, к радости всех любителей поэзии, особенно вологжан – обнаружил стихотворение, посвященное Н. Рубцову. Оно находится среди черновых рукописей стихов Шаламова, датированных 1976–1977 годами (для точности – РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 17). Возможно, это стихотворение предполагалось к публикации в последнем прижизненном поэтическом сборнике Шаламова “Точка кипения”, который вышел в 1977 году в издательстве “Советский писатель”. По каким-то причинам публикация не состоялась, затем стихотворение затерялось среди многочисленных черновиков, и только сейчас, почти тридцать пять лет спустя после создания, приходит к читателю» [1].

*Я четко усвоил, где «А» и «Б»,
И русской грамматикой скован.
Мне часто бывало не по себе
От робкой улыбки Рубцова.*

*За тот поразительный тотемский рай,
Отпущенный роком поэту,
За тот не вполне поэтический край,
В каком расположена Лета.*

*Поэты, купаясь в горниле столиц,
Испытываются без меры.
И нету предела – глубин и границ,
И нету химерней химеры.*

По прочтении и статьи в газете, и комментария к стихотворению в «Новой библиотеке поэта» [7, т. 2, с. 544], у меня остаются еще вопросы. Как Вы думаете, что значит «Мне часто бывало не по себе»? Разность темперамента и опыта жизни?

В. Е. Полагаю, это выражение восхищения стихами. «Не по себе» – потому что неожиданно, непривычно, ошеломляюще – все в позитивном, а отнюдь не в негативном ключе. «Не по себе» бывает, когда что-то действительно трогает душу, а «часто» – это высшая похвала. Контрастом здесь является «робкая улыбка» Рубцова – это метафора его «тихой» поэзии.

Л. Е. Да, я помню Вашу статью: «Конечно, есть соблазн прочесть эти строки биографически – как впечатление Шаламова от известных фотографий Рубцова или как свидетельство того, что он встречался с Рубцовым где-то в редакциях московских журналов и видел его действительно робкую улыбку нестолличного жителя. Но этот соблазн лучше отвергнуть – во-первых, стихи нельзя понимать буквально, во-вторых, никаких данных о их личных и тем более “частых” встречах нет, а главное – метафора поэзии Рубцова как “робкой улыбки” очень уж хороша» [1].

И все же пусть не встреча – просто пересечение не исключено, не так ли?

В. Е. Возможно, что где-то пересекались, хотя я в это не верю – оно бы где-то отразилось в дневниках.

Л. Е. «Тотемский рай» автобиографичен для Шаламова?

В. Е. «Поразительный тотемский рай» – это, конечно же, та основная часть рубцовской лирики, восхитившая Шаламова, которая так или иначе связана с тотемской «деревней Николой». Здесь можно подумать об автобиографическом моменте. За «тотемским раем» может стоять и его детское воспоминание о поездке в Тотьму на пароходе вместе с отцом (примерно летом 1917 года, когда он закончил второй класс гимназии). В Тотемском уезде он видел всю нетронутую цивилизацией ширь и красоту его полей и лесов, всю первозданную красоту «белых церквей», о которой так скорбел Рубцов.

Л. Е. «Горнило столиц» Вы комментировали – я процитирую: «Очевидно, что Шаламов рассматривает судьбу Рубцова как продолжение судьбы многих талантливых русских поэтов – выходцев если не из крестьян, то из провинции, для кого жизнь в столице стала тяжким, сладким и в итоге роковым испытанием. Самое яркое воплощение такого рода судьбы для Шаламова – конечно, С. Есенин, которого (как и Н. Клюева и П. Васильева) он ценил необычайно высоко. Нелишне напомнить, что Шаламов в декабре 1925 года присутствовал на похоронах Есенина в Москве, прекрасно знал еще по 1920-м годам его стихи, в том числе “Москву кабацкую”, знал и секреты особой популярности Есенина в уголовном мире. Не понаслышке (а благодаря личным встречам с тем же П. Васильевым в 1930-е годы) он имел возможность наблюдать, каким душевным надрывом, заглушаемым, как правило, алкоголем, сопровождается жизнь “поэтов от земли” в столице. Что касается Рубцова, то о его бесшабашном образе жизни в Москве со времен учебы в Литинституте ходили легенды, и они вполне могли быть известны Шаламову, который не откры-

вал тут для себя ничего нового: к несчастью, “горнило столиц” подкосило еще один большой русский талант. Он глубоко понимает причины этой неизбывной трагедии, ее беспредельность (“и нету предела – глубин и границ”), и в то же время, со свойственной ему – в прямом и переносном смысле – трезвостью и жизненной умудренностью заявляет, что поиски “предела” для поэта в этой ситуации призрачны и безнадежны (“и нету химерней химеры”)) [1].

В. Е. Есть фраза из записной книжки Варлама Тихоновича 1971 года: «Умер поэт Рубцов от водки», и я писал о ней в связи с Л. Дербиной:

«Возможно, Шаламов, живя в Москве достаточно изолированно от литературных кругов (по причине своей глухоты он общался с людьми вообще мало), поначалу не знал обстоятельств смерти Рубцова. В его дневнике есть лишь одна лаконичная и кажущаяся грубоватой запись на этот счет, сделанная 27 января 1971 г., неделю спустя после вологодской трагедии: “Умер поэт Николай Рубцов от водки”... Кто ему передал такую версию или он сам ее для себя сформулировал, суммировав сообщенные ему факты? К сожалению, здесь можно только гадать. Но с учетом того, что Шаламов страшно не любил сплетен и тем более – грязных, связанных с женщинами, можно предполагать, что он сам, отсекая все лишнее, интуитивно и опираясь на опыт, вывел общий знаменатель этой истории – именно смерть “от водки” как первопричина трагедии многих русских поэтов. И в этом отношении он был очень близок к истине: как показывают все непредвзятые исследования жизни и смерти Рубцова, поэт в последние свои годы неотвратимо шел к гибели, и случай с Л. Дербиной лишь ускорил его конец, придав ему столь некрасивую, мрачно-скандальную окраску. Я тоже занимаюсь проблемой и могу это со всей ответственностью утверждать.

Между прочим, так же прямодушно, не лукавя, называя вещи своими именами, глядя в суть, в корень зла, выражают свое мнение в подобных трагических случаях и хранительницы нашей нравственности – деревенские старушки (а также и старики, каким был Шаламов). И если в дальнейшем кто-либо мог рассказать Шаламову о роли Л. Дербиной, он не мог изменить своего взгляда и остался при нем. Но в стихи, в искусство, такой бытовой взгляд никогда не переносится. Стихотворение, написанное пять лет спустя, естественно, было освобождено от любых грубых “не поэтических” слов, от всяческого житейского “сора”. Целомудренно храня добрую память о Рубцове, Шаламов сказал лишь о вечных русских “испытаниях без меры”.

Разве не является такой взгляд, преображенный поэзией, единственно правильным и для жизни? И кто может сомневаться, что стихотворение Шаламова является достойнейшим памятником Рубцову?» (Там же).

Л. Е. А обстоятельства написания стихотворение известны?

В. Е. Шаламов написал это стихотворение в позднем возрасте, незадолго до помещения в дом инвалидов и престарелых – поэтому оно не «гладкое», с перетекающими друг в друга строфами – наоборот, строфы существуют как бы отдельно, но каждая с четкой мыслью.

Л. Е. Спасибо. Слышал ли Шаламов об Ольге Фокиной?

В. Е. Есть только одно упоминание имени О. Фокиной в записной книжке Шаламова. Оно относится к далекому 1959 году. По вине известного поэта-песенника В. Бокова возникло недоразумение. Вот что записал Шаламов:

«Боков (“ЛГ”, 12 дек.) говорит, что поэтесса Фокина из Архангельска, проучившись три года в Литературном институте на поэтическом отделении, не узнала, что такое размер и ритм стихотворения.

Литературный институт им. Горького – высшее учебное заведение типа института физкультуры, что на Гороховой. Там ведь тоже “высшее” [5, с. 271].

Эта запись никогда не комментировалась, и хорошо, что у нас появилась возможность все прояснить. Для этого пришлось не только порыться в архиве, чтобы найти статью В. Бокова, но и поговорить с самой Ольгой Александровной, ныне здравствующей.

Статья В. Бокова «Не могу согласиться!» была полемичной, и автор, споря с другим известным поэтом-песенником Л. Ошаниным, преподававшим в Литинституте, кое в чем перегибал палку. А в отношении О. Фокиной он допустил большую бестактность, переиначив ее слова. Как пояснила Ольга Александровна (в беседе со мной 16 мая сего года), накануне этой публикации она была в гостях у В. Бокова вместе с А. Вознесенским, к которому тоже благоволил Боков. Ничего о том, что она не знает стихотворных размеров и ритмов, О. Фокина В. Бокову не говорила – она, конечно, их знала, поскольку училась уже на третьем курсе. И когда прочла через несколько дней в «Литературной газете» то, что написал Боков о ней, была просто ошеломлена и крайне обижена на автора: ведь он «прославил» ее, а заодно и Литинститут, на всю страну! (Должен заметить, что О. Фокина в разговоре со мной заметила, что В. Боков из-за своей склонности к красноречию позднее чем-то стал напоминать ей... В. Жириновского.)

Шаламов же, как можно понять, принял слова Бокова за чистую монету и добавил к ним свое мнение – крайне скептическое – о Литературном институте. Такого же мнения был об этом институте, между прочим, Б. Пастернак. Конечно, их мнения нельзя абсолютизировать: мы знаем, что поэтом или писателем это высшее учебное заведение еще не делает, но пониманию литературы и общегуманитарному образованию очень даже способствует. Сам Шаламов был глубоким знатоком в области стиховедения.

К сожалению, мы не знаем, следил ли в дальнейшем Шаламов за творчеством О. Фокиной – возможно, он знал лишь несколько ее стихотворений, опубликованных в альманахе «Поэзия Севера» (1966). Но фольклорные, подлинно народные мотивы в поэзии он всегда ценил и прямо заявлял: «Без фольклора не может существовать поэт. Разумеется, дело не в светлой легенде об Арине Родионовне, и няни, и просвиры – все это чушь, чепуха. Но роль фольклора в системе образов поэта обязательна» [6, с. 379].

Л. Е. Да. Спасибо. Не было ли каких-либо пересечений с Виктором Петровичем Астафьевым?

В. Е. Личных не было, были только косвенные и поздние. В.П. Астафьев писал И.П. Сиротинской 11 апреля 1987 года:

«Уважаемая Ирина Павловна! Получил Ваше письмо. Спасибо. Очень желаю, чтоб наследие Шаламова, как и наследие Португалова, было хоть как-то обнаружено».

При организации журнала «Наш современник», точнее восстановления его, почти погибшего по вине пьяниц и разгильдяев, мы, новые члены редколлегии, много читали залежавшихся в редакции рукописей, среди них и была прозаическая рукопись Шаламова «Карфаген должен быть разрушен» – это о лагерях, точнее, об искусстве, литературе, «развлечениях» и фольклоре лагерей, ну, конечно, и о быте. Рукопись очень нужная, сильная, без обозначения жанра, как записки или воспоминания. Этой темы коснулся потом А. Солженицын в «Архипелаге», а мы, сколь ни бились за рукопись Шаламова, так ее пробить и не смогли.

Я не знаю, вернули рукопись автору или нет. Может быть, она хранится в архиве редакции?

Сергей Вас. Викулов читал ее и, возможно, еще помнит что-то, хотя за эти годы через него проходили горы рукописей, но все же позвоните ему или Фролову, в издательство «Современник», он был тогда первым зам. главного редактора журнала.

Желаю Вам всего доброго!

Главное – здоровья.

Кланяюсь – Виктор Петрович Астафьев.

Красноярск, Академгородок, 14-55».

Л. Е. Это было напечатано?

В. Е. Будет в книге об Ирине Павловне Сиротинской, которую я готовлю. Ваш журнал, по-видимому, выйдет раньше.

Л. Е. Спасибо. А можно дать справку о Португалове?

В. Е. Валентин Валентинович Португалов (1913–1969) – поэт, был репрессирован, являлся близким другом Варлама Тихоновича на Колыме. Некоторое время Шаламов общался с ним и по его возвращении его в Москву, однако в середине 1960-х годов их отношения были прерваны. Ср. стихотворение Шаламова «Был поэт-подвижник...» и комментарий к нему во 2 томе издания стихов в серии «Новая Библиотека поэта». Во второй половине 1960-х В.В. Португалов преподавал на высших литературных курсах при Литинституте им. Горького, где учился В.П. Астафьев.

Л. Е. Да, я посмотрела Ваш комментарий к этому стихотворению [7, т. 2, с. 498–499] и упоминание об одном из последних стихотворений Варлама Тихоновича – уже из Дома инвалидов, в записи Александра Морозова:

Португалов был слой общерусской культуры

Без халтуры и макулатуры.

Знал закон общерусской культуры

Был актер-профессионал

В двух шагах от литературы он стоял...

[7, т. 2, с. 499]

А что происходило с «Нашим современником»?

В. Е. Реорганизация журнала «Наш современник» произошла в 1969 году. Прежнего редактора Б.М. Зубавина сменил С.В. Викулов. Зная Викулова как своего земляка-вологжанина, Шаламов, как видно, пытался напечатать в «Нашем современнике» «Очерки преступного мира». Кроме того, из записных книжек известно, что он отправлял в журнал стихи (на имя С.Ю. Куняева). Но ни одной публикации не состоялось. Как можно полагать, это было связано с направлением «Нашего современника» и с тогдашней журнальной борьбой.

Л. Е. Понимаю. А Сергея Орлова Шаламов читал?

В. Е. Это на тему начитанности (культуры) Варлама Тихоновича и его «въедливости». Шаламов вклеил в записную книжку 1959 года вырезку из «Литературной газеты» с таким текстом:

«Припомним его книгу “Третья скорость”, вышедшую тринадцать лет назад. Отдельные стихи из нее стали хрестоматийными:

*Его зарыли в шар земной,
А он был лишь солдат.
Всего, друзья, солдат простой,
Без званй и наград.
Ему, как мавзолеей, земля –
На миллион веков...»*

Под вырезкой – комментарий Шаламова:

«Это – хрестоматийный плагиат:

*«Ей в колыбели гробовой
Навеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно»*

(Вордсворт – Маршак)»

(Записные книжки 1959 г. – РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Д. 111. Л. 9 об. – 10).

Я кое-что пытался уточнить. Это из «Люси» Вордсворта, переведено Маршаком в 1941 году, напечатано в 1944.

Л. Е. Мне это не кажется плагиатом.

Давайте воспроизведем пятое стихотворение из цикла «Люси» в переводе С.Я. Маршака:

*Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.*

*Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.*

Оригинал Вордсворта звучит так:

*A slumber did my spirit seal;
I had no human fears:
She seem'd a thing that could not feel
The touch of earthly years.*

*No motion has she now, no force;
She neither hears nor sees;
Roll'd round in earth's diurnal course,
With rocks, and stones, and trees.*

Я посмотрела сборник «Английские баллады и песни», выпущенный в Москве Гослитиздатом тиражом 25 000 экземпляров. Составитель сборника не указан. Маршак обозначен автором. Редактор – Т. Габбе. Подписано к печати 25 августа 1943 года. В сборнике представлены переводы народных баллад и детских песен, Шекспир, Бернс, Блейк, Киплинг, «Вересковый мед» Стивенсона. Из Вордсворта – «Кукушка», «Агасфер» и «Люси».

В. Е. После ранения – 17 февраля 1944 года в бою за освобождение Новгорода товарищам по оружию чудом удалось вытащить Сергея Орлова, командира танкового взвода, из горящей машины – в госпитале он мог увидеть-услышать «Люси».

В 1946 году вышла книга стихов Сергея Орлова «Третья скорость», где было помещено выдающееся стихотворение «Его зарыли в шар земной», благодаря чему эта книга привлекла внимание к имени поэта.

Я тоже думаю, что Шаламов перегнул с «плагиатом». Это скорее память метра (мужских рифм – сплошные мужские рифмы), которая часто проявляется подсознательно. Шаламов писал об этом в статье «Во власти чужой интонации» и, говоря, например, о странном сходстве отдельных строф Б. Пастернака и П. Орешина, отмечал: «У меня нет объяснений этому феномену!»

По крайней мере у нас нет намерения бросить тень на поэта-фронтовика, горевшего в танке... И тот факт, что Шаламовский дом находится на улице Сергея Орлова, 15, – говорит лишь о парадоксах культурно-исторической асинхронности в нашем местном ландшафте.

Л. Е. Тема культурно-исторической асинхронности вообще актуальна.

В. Е. Да, с этим связано немало проблем, а также недоразумений и предубеждений против Шаламова, бытующих в Вологде до сих пор. Хочу затронуть еще одну весьма острую тему. Она связана с В.И. Беловым и его отношением к Шаламову.

В свое время, в начале 1990-х годов, мне в руки попала книга «Воскрешение лиственницы», изданная в 1985 году в Париже в издательстве «ИМКА-Пресс», где впервые была опубликована «Четвертая Вологда» Шаламова. Тот человек, который мне ее дал почитать (журналист-книголюб), сказал, что эту книгу привез из Парижа В.И. Белов, и она сейчас ходит по рукам среди вологодских писателей (журналист получил ее на время от писателя В.Л. Ширикова, редактировавшего тогда газету «Эхо»). Я уже знал «Четвертую Вологду» по первой отечественной публикации в журнале «Наше наследие» в 1988 году, но любопытно было взглянуть на парижское издание. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что текст «Четвертой Вологды» буквально испещрен негодующими пометками на полях. Они касались главным образом известных критических отзывов Шаламова о крестьянстве: «Революция вошла в село решительной походкой, удовлетворяя прежде всего деревенскую

страсть к стяжательству»; «не пойте мне о народе...»; «где ты черпал эту силу, русский мужичок» (цитата из стихотворения И. Никитина). Такого рода места, включая отрицательные отзывы Шаламова об антисемитизме, были сопровождаемы на полях фразами с тремя восклицательными знаками: «русобоб!!!», «как ненавидит Россию!!!», «Чаадаев!!!» и прочими. Как мне объяснил временный владелец книги, эти пометы делал сам В.И. Белов.

К сожалению, у меня не было возможности сфотографировать эти страницы (ксероксы тогда только появлялись), книгу надо было быстро вернуть, но пометы врезались в память. Как я понимаю, эти негодующие оценки текста Шаламова отражали тогдашние, времен «перестройки», умонастроения В.И. Белова, и это было неудивительно, т.к. автор «Привычного дела» и «Канунов» всегда защищал русское крестьянство, а со временем стал агрессивным антизападником и сторонником теории «жидомасонского заговора» против России. Полагаю, парижское издание с его пометами нужно найти: это важный исторический документ, зафиксировавший первую и крайне пристрастную реакцию на «Четвертую Вологду» и на Шаламова в целом в его родном городе в эпоху бурных перемен общественного сознания.

К счастью, подобное отношение к Шаламову было характерно тогда не для всех вологодских писателей. Я уже говорил, что на открытие мемориальной доски на Шаламовском доме в 1990 г. приходил и читал стихи поэт А.А. Романов. На шаламовских мероприятиях бывал критик В.А. Оботуров. Постоянным участником их был поэт М.Н. Сопин. Для всех них личность и творчество автора «Кольмских рассказов» представляли неподдельный интерес и долг памяти. А то, что до сих пор на шаламовских вечерах не увидишь ни одного лица из вологодской организации Союза писателей России связано, вероятно, с застарелыми предубеждениями, посеянными В.И. Беловым. Хотя, впрочем, это может быть и следствием глубоких противоречий между местной («слишком местной», перефразируя Ницше) консервативной литературной традицией и тем «мировым простором», который открывает творчество Шаламова.

Отраден тот факт, что другая, «альтернативная» писательская организация в лице отделения Союза российских писателей («дом дяди Гиляя») гораздо заинтересованнее относится ко всему, что связано с нашим великим земляком.

Еще более отрадно, что к исследованию творчества Шаламова все активнее подключается студенческая молодежь ВоГУ и других вузов, что показала молодежная научная конференция, прошедшая в июне этого года. Таким – и только таким – образом, т.е. путем просвещения, на мой взгляд, и можно преодолеть упомянутую нами культурно-историческую асинхронность, чтобы у будущих поколений вологодских читателей было меньше проблем с ориентацией в иерархии литературных ценностей – подлинных и мнимых, вечных и преходящих.

Литература

1. Есипов, В. В. Неизвестное стихотворение Варлама Шаламова о Николае Рубцове / В. В. Есипов // Литератур-

ная Россия. – 2013. – № 38 (20 сентября). – URL: <https://shalamov.ru/critique/226/> (дата обращения: 21.10.2021). – Текст : электронный.

2. Есипов, В. В. Нелюбовный треугольник: Шаламов – Твардовский – Солженицын / В. В. Есипов. – URL: <https://shalamov.ru/research/101/> (дата обращения: 21.10.2021). – Текст : электронный.

3. Есипов, В. В. «Пусть мне “не поют” о народе...» (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) / В. В. Есипов. – URL: <https://shalamov.ru/research/19/> (дата обращения: 21.10.2021). – Текст : электронный.

4. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том, дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 4. – 637 с.

5. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том, дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 5. – 382 с.

6. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том, дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 6. – 603 с.

7. Шаламов, В. Т. Стихотворения и поэмы : в 2 томах / В. Т. Шаламов ; вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Есипова. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2020 (Новая Библиотека поэта).

8. Яшин, А. Собрание сочинений : в 3 томах / А. Яшин. – Москва : Художественная литература, 1986. – Т. 3. – С. 104.

V.V. Esipov, L.V. Egorova

VARLAM SHALAMOV AND LITERARY WORLD OF VOLOGDA. Part 2

Discussion of Varlam Shalamov's opinions of the Vologda region poets and writers (A. Yashin, N. Rubtsov, O. Fokina, V. Astafyev, S. Orlov, V. Belov) held by the editor of the journal and Valery Esipov, the author of numerous articles and books, including *Varlam Shalamov and His Contemporaries* (2007), *Shalamov in the Lives of Remarkable People* series (2012, 2019), *About Shalamov and Not Him Alone: articles and other studies* (2020), the editor of two volumes of Shalamov's poetry (2020).

V. Shalamov, Vologda, A. Yashin, N. Rubtsov, O. Fokina, V. Astafyev, S. Orlov, V. Belov, paradoxes of cultural and historical asynchrony.